

Сергей Чайка

Вернуться

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
Ч12

Чайка С. С.

Вернуться / Чайка С. С. — Москва: ЛитРес: Самиздат,
2021. — 77 с.

ISBN 978-5-532-98375-5

Спасти чужого человека, рискуя погибнуть. Оставить родных, чтобы помочь незнакомым людям. Обрести себя вновь, почти умерев. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-98375-5

© Чайка С. С., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Свеча догорала, еще оставалось совсем немного, и она погаснет. Слабый огонек, окруженный растопленным воском, дернется и в комнате настанет темнота. Тело потряхивало, как будто через него пропускali электрический разряд. Сказывалась огромная усталость и сильный холод. Свет в доме отсутствовал, из-за того, что где-то на линии был обрыв. В такую погоду выйти на улицу было бы безумием для человека в здравом уме, и естественно, что было говорить о аварийных службах. Восстанавливать оборванные провода никто не собирался и видимо никто и не будет пока погода не успокоиться. Дров почти не было, так что печь остыла и согреть дом было почти нечем. Для него оставалось только одно, одевать на себя побольше одежды чтобы согреться и ждать. Еда у него закончилась еще вчера, когда утром он доел последний кусок хлеба, закусив его холодной сосиской. Теперь только чай наполнял его желудок. На растопку печи лежало еще пара поленьев и немного тонко наколотой щепы и на этом весь запас топлива заканчивался. Он экономил как мог, ожидая хорошей погоды, но как тут сэкономишь если воду надо вскипятить чтобы приготовить чай. «Может попробовать и пойти в лес поохотиться?» – размышлял он, разговаривая сам с собой. «Да? Ну и кого ты собрался поймать там? И главное как? Ну допустим какой-то сумасшедший заяц, которого выгнала его зайчиха попадется тебе. Будешь за ним гоняться по лесу по сугробам? Или застрелишь его из пальца? Или, догнав его, что конечно вряд ли, уговоришь его сдохнуть? Да что ты увидишь в этой метели? Метр! Максимум! И все, дальше пелена» – закончил он свою мысль. «Хреново» – с тоской резюмировал он, глядя в заледеневшее окно и ожидая чуда. В таком положении будешь верить во что угодно. Надо было принимать какое-то решение. На улице завывал ветер и снег валил с неба, не переставая третий день. Он ждал что ну вот-вот и наконец утихнет ветер и выглянет солнце, но тот и не думал прекращать свое сумасшествие, а только усиливал свой напор с диким воем. «Еще немного и выходить мне придется через второй этаж» – невесело пошутил он. «Хотя скорей превращусь в эскимо, так и не встретив спокойную старость.» Он натянул на себя ватные

штаны, толстый свитер с высоким горлом, армейский бушлат, уши шапки затянул шнурком, ноги в шерстяных носках продел в валенки. Экипировавшись таким образом, он посмотрел на себя в зеркало: «Теперь точно не замерзну.» В маленькой каморке, приспособленной под хознужды, на одной из полок он взял моток бечевки. Обвязав себя веревкой вокруг пояса, он подошел к входной двери и надавил плечом на нее. Чтобы открыть, ему пришлось приложить огромное усилие. Ветер был такой силы, что могло возникнуть чувство что кто-то придерживает ее снаружи. Надавив плечом на полотно двери, он приоткрыл ее и вывалился наружу, попав в снежную карусель. Ветер как зверь из засады накинулся на него. То справа, то слева он кусал своими снежными зубами, пытаясь свалить и закрутить его в вихревом танце. С усилием он сделал несколько шагов и схватившись за основание столба, поддерживающий крышу открытой веранды привязал себя к нему концом веревки. Затянув потуже узел бечевы и подергав на прочность связки, он двинулся в снежный шторм. Лес находился буквально в каких-то пятидесяти метрах от дома. «Главное дойти и прийти» – подумал он. Выпавший снег был рыхлым и ноги проваливались по колено, неудобная одежда сковывала его движения и затрудняло действия. Несмотря на сильнейший холод, через несколько пройденных шагов от его тела повалил пар, ему стало жарко и пот заструился по лицу как ниагарский водопад. Брови и его рыжая борода покрылась инеем и почти огненный цвет сменился на белый. Со стороны теперь его можно было принять за настоящего деда мороза. Ветер усиливался. Сквозь гул ветра внезапно раздался громкий треск и подняв глаза он успел отскочить в сторону в последний момент, перекатившись по снегу. На том месте по центру, где он только что стоял, воткнулся огромный обломок дерева. Ветер обломал половину ели и тяжелый кусок со скоростью вертикально вонзился в землю. «Нормально так... Еще бы не много... И мне был бы звездеч...» – тяжело дыша сказал он. Во рту все пересохло и зачерпнув горсть снега он отправил ее в рот. Снег растаял во рту моментально, превратившись в холодную воду, немного утолив наступившую жажду. Перевернувшись на живот, он сплунул желтую слюну, которая на ветру завернулась ему на лицо

и повисла толстой нитью. «Тьфу ты, черт»– он смахнул перчаткой липкую слюну, повисшую на его уже седой от снега бороде, и встал на ноги. Встал и сразу же уткнулся в колючий лапник, иглы которого прямоком вонзились в глаз. «Да что ж это такое?» – закрыв рукой уколотый глаз произнес он. Глаз сразу увлажнился и наполнился слезой. Тяжелые лапы ельника, приваленные снегом, образовали наподобие вигвама и ветер ударяясь о его стены угасал. Лес сдерживал порывы ветра, не давая просочиться во внутрь. Под деревьями валялись сухие сучья и палки. Он разложил заготовленную веревку на земле и начал складывать их, отряхивая от снега и льда.

Кружка с горячим чаем в руке и огонь, полыхающий в печи, давал долгожданное тепло, согревая его. Он стоял у окна и дул на горячий чай, затем маленькими глотками, обжигаясь попивал его. Горячий напиток как набегающая волна на берег согревала тело изнутри. Снег за окном кружил по известной только ему траектории, ударяясь о стекло со свистом и гулом. Снежинки, попадающие на стекло тут же, таяли и превращались в маленькую слезу, которая стекала и застывала прозрачной капелькой льда. Когда он там, далеко от этого места стремился к тишине, то он представлял себе все именно так. Почти так. Тишина породило одиночество. Одиночество, которое порой становилось невыносимым. И он погружался в прошлое, в те памятные дни, которые пропечатались у него в голове надолго. Образы из недалекого времени, того времени что теперь казались для него очень далеки. Время остановилось для него, не было часов, не было календаря, не было чувства движения жизни, всего того, что было в прошлой жизни. Образы знакомых ему людей со временем стирались, они как будто умирали, и он хоронил их, не появляясь на похоронах, не бросив комок сырой земли и не выпив за них. Он забывал их, а они забывали о нем. Так по крайней мере он думал. Одиночество – это молчание, крик в тишине и эхо, пустой звук. Он не заметил, как со временем он стал говорить сам с собой. Когда это все началось он уже не помнил. Он с усилием пытался вспомнить, наморщив лоб и свободной рукой потирая висок. Когда же?

Она сидела на кухне и ждала его. Их общего сына она уже уложила спать и теперь ждала, сидя у окна и не зажигая свет. Когда в

ночной тишине раздался поворот ключа в двери, то она от неожиданности вздрогнула. Это пришел он. Она знала, что он придет сегодня и эти дни она высчитывала. Календарь, висевший на кухонной стене, был весь исчерчен крестиками. Повернув голову к двери, она ждала и в ее глазах было ожидание и страх. Страх увидеть не его. «Хотя как такое возможно?» – говорила она себе. Такого просто не может быть... «Это точно он» – успокаивала она себя, но засевший внутри страх не проходил. Вот еще ключ сделал поворот в замке и дверь отворилась. В освещенном проеме стоял он. Повернув голову с заросшей щетиной на лице, он улыбнулся. Той улыбкой, которой мог улыбаться только он и только ей.

– Привет – сказал он, опустив сумку на пол. Вот так, не было три месяца и привет. Она, не помня себя от счастья вскочила как ошпаренная, пробежала по коридору и повисла на нем, обняв его, уткнувшись и закопавшись ему куда-то в шею, плечо. Он нежно ее обнял, вдыхая запах волос. На плече стало мокро, он отстранил ее от себя, взяв за голову

– Что ты? Что ты? Все хорошо? Он поцеловал ее в губы, в кончик носа и опять прижал ее к себе.

– Да, да – ответила она, хлюпая носом и улыбаясь в ответ.

– Все хорошо, накатило просто, прости. Так они и стояли обнявшись, пока слезы не высохли на ее лице.

– Ну все – она отстранилась, ладонями рук вытерла остатки слез и взяв его за руку сказала:

– Пойдем, я тебя отмою, накормлю – и потянула за собой. Он приостановил ее:

– Я... Было видно, как трудно давались ему слова. Она подошла и погладила его по небритой щеке и приложила палец к его губам

– Молчи... Что бы не было, я всегда буду с тобой. Он с благодарностью посмотрел на нее и нежно поцеловал ее в губы. До ванны они так и не дошли, отдавшись чувству, нахлынувшему на них огромной волной и поглотив их с головой. Каждый из них отдавался друг другу как в первый раз, отдавая себя как в последний. После того как она его отмыла и накормила, он заснул на свежестеленной кровати. От окна спальни стелился лунный свет, освещая кровать, на которой он

спал. Ее рука нежно гладила его по спине, останавливаясь и замирая только на мгновение, а потом продолжала дальше изучать свое, родное. Вот здесь родинка, здесь шрам, здесь еще шрам. То, что она находила покрывала поцелуем. Во сне он вздрагивал от ее прикосновений и слез, которые обжигали его. Ее чувство сейчас было куполом, который накрывал его, оберегая и она как сторожевая собака, которая готова загрызть любого, кто помешает ее хозяину отдыхать. «Всегда» – она сказала тихо. Придвинулась поближе к нему, обняла за плечи и закрыла глаза.

Снег за окном не переставал идти. Сугроб под окном продолжал расти и грозился полностью закрыть его. Зимние дни стали короткими и на улице быстро стемнело. Огонь в печи, сделав свою работу понемногу затих и только маленькое пламя дожигало, оставшиеся дрова. «Сегодня посплю в тепле» – подумал он. Нашарив рукой на полке толстую свечу, пристроил ее на краю стола и зажег, чиркнув зажигалкой. Он лег на диван, подложив под голову подушку и в отражении его глаз заиграл яркий свет. Он лежал, наблюдая как пламя свечи стоит не шелохнувшись. Пламя разгоралось все больше и больше. И вот это уже не огонек свечи, это был пожар и в его отражении виднелись горящие поля, черным столбом дыма взмывавая в небо, огромные кострища пылающих домов и люди, мертвые люди, раскиданные как кегли посреди выгоревших полей. В центре всего стоял он нешелохнувшись. Он взирает на происходящее вокруг себя и не понимал, как могло быть, что из-за маленькой свечи могло все возникнуть. Моментально захотелось воды и, кажется, даже дождь стал накрапывать, пытаясь перерасти в ливень и появилась надежда что он потушит наконец этот пожар в конце концов и прекратит бесконечный кошмар, длившийся, казалось, так долго что в душе не осталось ничего кроме пустоты и заполнить его было нечем, но дождь не принес ничего. Все вокруг полыхало и рушилось с грохотом. Капли дождя были красного цвета и все, на что попадала вода окрашивалось в красное. Открыв рот, он попытался напиться дождем, но только первая капля попала ему в рот он сразу выплюнул ее на землю и его стало рвать, выворачивая его наизнанку до изнеможения. Он вспомнил этот вкус. Этот вкус он

не перепутает ни с чем и никогда. Вкус крови. И он бежит, пытается спастись. Его бег медленный и тяжелый. Спотыкаясь о горящее бревно, он падает и пытается встать. Он опирается рукой во что-то склизкое, и рука соскальзывает, и он падает лицом в липкую мерзость. Над головой со свистом пролетает мина и взрыв... Темнота. Дым рассеивается как открывают занавес на сцене или как открываются шторы жалюзи. Сначала он видит свои ноги, обутые в грязные ботинки с комками земли на подошве. И он понимает, что вроде лежит, но почему-то не на месте, он двигается. И до него доходит что его тащат за разгрузку. Что-то стекает по лицу, заливая глаза. Ладонью смахивает, но безуспешно, только становится хуже от грязных рук. К грязи примешивается кровь. И опять темнота. Провалился в сон ненадолго, открыв глаза долго смотрел перед собой прислушиваясь к шорохам. На столе так же горела свеча, а за окном так же гудели провода. Все так же. Огонь в печи погас, но печь еще держала тепло. Натянув плед на ноги, он протянул руку и достал сигарету из пачки. Прикурил. Облако дыма на секунду окутало его. В доме стояла тишина, только за окном все гудело и свистело. Тем самым был неожиданным стук в дверь. Сначала стук в дверь был слабеньким, затем он стал более сильный и настойчивый. Дом стоял далеко от других и тем странно было что кто-то мог оказаться здесь, при том, что погода стояла совершенно не для прогулок. Сев на диван, влез ногами в теплые тапки и пошел к двери. Стук прекратился. Щелкнув замком, повернул ручку и с усилием открыл дверь. Времени для разговора не было, ветер как будто ждал и устремился в дом. Он схватил, стучавшего за первое что попало под руку и рывком втянул в дом. Тот неуклюже споткнулся о ступень при входе и рухнул в тамбуре. Он тут же захлопнул дверь и склонился над упавшим. Тот и не думал вставать, лежал без движения уткнувшись в пол.

— Эй, браток — позвал он его. Лежащий не отреагировал, продолжая хранить молчание. Перевернув на спину и взяв под мышки, он потащил его в теплую комнату. Подтянув к дивану, он водрузил на него незваного гостя. Шарф, намотанный по глаза и накинутый капюшон с кромкой меха не позволял увидеть лицо человека. Сняв капюшон и осторожно разматывая шарф, он с удивлением обнару-

жил под ним девушку. Правильные черты лица, белая прядь волос, выбивающаяся из-под черной шапочки, чуть вздернутый нос и глаза, а вот глаза как раз и не получилось увидеть по причине закрытия век. Оставив ее на диване, он занялся печкой. Хотел оставить дрова на завтра, но сейчас ситуация требовала срочных мер. Когда в печке дрова принялись, он закрыл топку и развернувшись столкнулся с ней взглядом. Она открыла глаза и теперь, даже в полутьме можно было увидеть их цвет. Голубые.

– Ну, здравствуйте – первым сказал он – Сейчас согрею чай и вообще будет хорошо.

– Здравствуйте... Спасибо вам – тихо ответила она.

– Надо одежду снять и просушить. Я сейчас вам дам сухую... Что-нибудь найду – он смотрел на нее оценивая ее размер одежды.

– 46-ой – сказала она догадавшись.

– Я так и предположил, но такого вряд ли найду, так что не обесчудьте если что – сказав это он вышел из комнаты. Открыв шкаф, достал шерстяные носки, поискал глазами что еще можно было предложить ей. Немного подумал и взял новый комплект цифры с верхней полки. Рядом на приколоченном в стену крючке висел армейский бушлат, почти новый, с теплым воротником. Поддев его снизу он снял с крючка и перекинул через руку. В комнате она уже сняла верхнюю одежду и укрывшись пледом с головой сидела, подрагивая от озноба. Снятую одежду она аккуратно положила на стул.

– Переодевайтесь, я сейчас воду вскипачу – зачерпнув из ведра, он налил полный чайник и поставил его на раскаленную печь. Мокрую одежду развесил на протянутой рядом с печью веревке. Она трясущимися руками надевала одежду, натягивая ее и трясаясь от холода. Чайник быстро вскипел и теперь булькал, пуская струю белого пара из носика. Кинув щепотку черного чая в кружку, он залил ее кипятком, и вода тут же окрасилась в темный цвет.

–Пейте – он протянул кружку, уже одевшейся в принесенную им одежду незнакомке.

–Благодарю вас – чуть слышно проговорила она. Она осторожно сделала глоток и посмотрела на него в ожидании вопросов. Он

не спешил, ждал пока она отогреется и придет немного в себя от мороза. Бледные щеки уже покрылись румянцем, а губы по чуть-чуть наливались красным. Первым заговорила она, это было так неожиданно, что он вздрогнул.

– Я искала вас – произнесла она. Ее лицо, освещаемое тусклой свечой и светом от печи было совершенно спокойно. Он сидел на стуле в пол оборота к ней, и только половина лица было освещена, но ей было видно, что в руках он держал сухую веточку. Он чувствовал ее взгляд, но не подавал вида что взволнован. Никто не знал, что он здесь, никто. Ни друзья кто остался жив, ни родные кто когда то помнил о нем. Никто. Как он ошибался тогда, как иногда мы все ошибаемся, когда думаем, что мы никому не нужны. О нем знали, о нем помнили. Она ждала ответа, он молчал. Вдвоем сидели без движения, боясь нарушить тишину и только ветер стрелял острыми снежинками в окно завывая, да в печи потрескивали дрова. Он повернул лицо к ней и встретился с ее взглядом.

– Вы искали меня? Но я вас не знаю – сказал наконец он.

– Нет, не знаете – тут она замолчала, выдерживая паузу и собираясь то ли с мыслями, то ли с духом. Не знаете меня – тихо и с сожалением повторила она. Никого и ничего он не боялся в жизни, но тут неприятный холодок прошелся по спине. «Только мне сумасшедших не хватало» – подумал он, но продолжал смотреть на нее без движения и ждал продолжения. В тишине соприкосновение кружки со столом прозвучало как удар молотком, а за окном с подтопленной крыши сполз наст снега и с грохотом упал, ломая ветки дерева, выглядывавшего из толстого сугроба. Он вздрогнул и в его руках, ломаясь щелкнула веточка. Незнаемое, тайное всегда интересно, но может быть и страшным. Нет, людей он не боялся, он боялся, что это разрушит его мир, в котором он жил в последнее время. Ничего не говоря, он встал и прошел в соседнюю комнату, там на старом шкафу он достал спальный мешок и вернулся к печи. Возле нее он расстелил его и лег, повернувшись к печи лицом, заранее свернув валиком свитер и положив под голову. Помолчав, он сказал: